

§5. Пределы плюрализации понятия «справедливость»

Когда речь идет о переходе от представления об этическом равенстве к определенной содержательной концепции справедливости, кроме проблемы области справедливости, существенное значение имеет также проблема, касающаяся основных формальных параметров того результата, который планируется получить. Должны ли создатели концепций справедливости искать единую и согласованную систему основоположений, определяющую характер распределения преимуществ и тягот социального сосуществования, или же их целью должен быть плюрализированный и контекстуализированный набор критериев и принципов? Ответ на этот вопрос балансирует на грани между исследованием понятия и области справедливости и созданием ее содержательной концепции, поэтому он будет последним в ходе обсуждения концептуальных основ общественной морали.

Самым известным сторонником и пропагандистом комплексного, или плюрализованного, подхода к справедливости является М. Уолцер. Основная его идея состоит в том, что «определенное социальное благо x не должно быть распределено между женщинами и мужчинами, которые обладают каким-то другим благом y , просто потому, что они обладают y и без учета значения блага x »¹. Другими словами, каждое социальное благо или их взаимосвязанный набор составляют особую дистрибутивную сферу, в пределах которой приемлемы строго определенные критерии. Для области здравоохранения (как части сферы безопасности и благосостояния) применим критерий распределения по потребностям, для сферы денег и товаров – критерий правомочности свободных обменов, для сферы распределения публичных должностей или академических званий – критерий честного соревнования и заслуги (или более мягко – квалификации) и т. д.²

Тем самым, несправедливость, с которой сталкиваются люди в своей жизни, расслаивается на два вида. Наряду с тривиальными нарушениями критериев справедливого распределения в рамках

¹ Walzer M. Spheres of Justice. P. 20.

² Ibidem. P. 84–90, 95–128, 129–147.

определенной сферы, выделяется наиболее фундаментальный пласт несправедливости – интервенции одной сферы со своими критериями в область другой. Они подрывают не только плюрализм сам по себе, но и обосновывающую его существование идею общечеловеческого равенства. Ведь различные люди обладают различными способностями, которые позволяют им получить наибольшие успехи в какой-то одной или в нескольких областях человеческой деятельности. Если какая-то из дистрибутивных сфер получит преобладание за счет повсеместного применения ее критериев, то те люди, которые занимают в ней приоритетные позиции, смогут доминировать над всеми остальными. Поэтому подлинное равенство может быть только «комплексным равенством», а подлинная справедливость – только плюрализованной или сферической.

Борьба за справедливость, в таком случае, всегда является двусторонней борьбой: борьбой против монополизации благ определенными группами и борьбой против тотального доминирования последних на основе этой монополизации. Именно поэтому М. Уолцер в одинаковой мере возражает против рыночной «коммодификации» всех благ и против уравнительного вторжения государства во все области общественной жизни. Если резюмировать его позицию, то можно указать на то, что справедливая политика должна стремиться к изоляции дистрибутивных сфер друг от друга, должна практиковать то, что сам М. Уолцер образно называет «искусством разделения»¹.

Некоторые проблемы и парадоксы уолцеровского подхода может высветить анализ такой проблемы, как проблема соотношения социальной справедливости и индивидуальной (прежде всего, профессиональной) успешности. Общая справедливость, учитывающая весь набор приоритетных социальных ценностей, предполагает двойное нравственное значение успеха: во-первых, достижение успеха выступает как очень важная часть индивидуальной самореализации, во-вторых, мотивация к достижению успеха служит одним из приоритетных средств повышения эффективности социальной системы в области технологической оснащенности, оптимизированного управления, экономического роста и т. д. Таким образом, справедливое общество не может не ставить перед собой зада-

¹ *Walzer M. Liberalism and the Art of Separation // Political Theory. 1984. Vol. 12. P. 315–330.*

чи построения такого социального пространства, где каждому будут максимально доступны ситуации переживания успеха и где успехи индивидов и групп будут прямо способствовать общему благу. С определенной долей метафоричности можно обозначить эту задачу как задачу по созданию «общества успешных индивидов».

Если общественная мораль в действительности ставит перед социальной инженерией такую задачу, то при ее решении ближайшую серьезную проблему формирует многообразие видов деятельности и, в частности, профессиональных призваний, претендующих на символическое закрепление своих «пиковых» достижений в виде славы (или известности), власти и материальных ресурсов. При этом все перечисленные символы успеха, включая славу (или известность), представляют собой количественно ограниченные блага. В рамках каждого из видов деятельности распределяется та или иная их часть, большая или меньшая по объему. Характер распределения и его восприятие зависят от типа общества и исторических обстоятельств, его сформировавших. В традиционных и иерархических обществах фиксированное распределение ресурсов между различными видами деятельности гарантировано мощнейшими институциональными и идеологическими силами, а ориентация на максимальный индивидуальный успех существенным образом уравновешивается ориентацией на соответствие усредненному стандарту собственной группы. Однако в модернизированном (то есть эгалитарном по правовому статусу граждан и высококомобильном) обществе характер символической фиксации достижений постоянно оспаривается и дискутируется.

Сравнивая себя с представителями других профессиональных групп, успешный по критериям собственного сообщества индивид неизбежно задается вопросом о характере итогового распределительного зачета. И в некоторых случаях приходит к выводу, что хотя его призвание не менее важно для общественного целого, очевидный успех на этом поприще не сопровождается аналогичным рядом признания и теряет тем самым статус успеха. Это обстоятельство вполне может рассматриваться как фундаментальная несправедливость. Такого рода субъективные переживания порождают значительную нестабильность в обществе и резко снижают уровень совокупной удовлетворенности жизнью его членов. Конечно, эти переживания могут быть названы коллективной завистью или

ресентиментом, однако именование в данном случае не решает проблемы, поскольку и коллективная зависть вполне может оказаться «извинительной»¹, и ресентимент может оцениваться без нищенского, брезгливого презрения к нему².

В перспективе идеей комплексного равенства и сферической справедливости преодоление подобной ситуации видится на путях плюрализации понятия «успех». Она должна смягчить ресентиментные переживания, стабилизировать профессиональные сообщества и, одновременно, освободить общество от необходимости дополнительной дистрибутивной политики со всеми трудностями и противоречиями, которые она с собой несет. С несравненным стилистическим блеском мысль провозглашает Э. Геллнер. Вот показательный фрагмент из его работы «Условия свободы»: «Некоторое удовлетворение позиционных амбиций можно обеспечить, умело манипулируя иллюзиями. Например, однажды я принимал участие в научной дискуссии и был убежден, что наголову разбил в споре моего оппонента. Для меня это было приятно, и до сих пор приятно об этом вспоминать. Как я обнаружил впоследствии, мой оппонент был столь же глубоко уверен, что это он вышел тогда из спора победителем, и это тоже доставило ему немалое удовольствие. Наверное, мы не могли быть оба правы, зато сумели быть оба счастливы, то есть иллюзия в данном случае дала приращение суммарно человеческого счастья. Такого рода иллюзии можно до некоторой степени институционализировать: пусть теннисисты считают, что только человек, демонстрирующий высокие результаты в их игре, по-настоящему достоин восхищения, а ученые придерживаются такой же точки зрения относительно занятий своей наукой, пусть распутники рассматривают свои победы как величайшее достижение и т. д. Не надо их в этом разубеждать. Благодаря этому огромное количество людей может считать, что только они и члены их группы принадлежат к социальной элите, и их не будет задевать то обстоятельство, что по критериям других групп они стоят ниже по социальной лестнице. В определенном смысле гражданское обще-

¹ «Когда зависть является реакцией на потерю чувства собственного достоинства в обстоятельствах, где было бы неразумно ожидать, что человек будет чувствовать иначе, я буду говорить, что она извинительна» (*Ролз Дж.* Теория справедливости. С. 463).

² См. 6 параграф первой главы данной работы и в особенности: *Solomon R.* One Hundred Years of *Ressentiment*. P. 95–126.

ство, утверждая множественность не только деятельностей, но и критериев совершенства, создает (и это, несомненно, одна из его привлекательных сторон) систему таких иллюзий, позволяющих людям считать, что они достигли вершины, ибо здесь есть множество независимых вершин, и каждый человек может думать, что вершина, вблизи которой он находится, является самой важной и значимой»¹.

Набросанная Э. Геллнером картина чрезвычайно притягательна и симпатична. В таком обществе профессиональным и прочим, ориентированным на общий вид деятельности группам, действительно, нечего делить: распутник может гордиться успехами в распутстве, монах – в целомудрии, бизнесмен – доходом, ученый – открытиями. Но дело в том, что, несмотря на упоминание «институционализации» разных осей, основой переживания успешности в данном случае являются: а) субъективное самовосприятие (то, что «каждый человек может думать» о своем успехе или неуспехе) и б) оценка изолированной группы вне применения общезначимых и потому «весомых» символов успеха. Действительная же успешность индивидов определяется, в конечном итоге, именно общим признанием, то есть признанием в контексте предложенных социальным целым, стандартизированных моделей осмысления успеха. Упорствовать в субъективных иллюзиях на фоне отсутствия общезначимых символов преуспеяния психологически очень трудная задача, а для большинства людей – попросту невыполнимая.

В особенности это верно, когда речь идет об успехе профессионального типа. В отличие от хобби и развлечений, он всегда есть успех или неуспех жизни в общем зачете, жизни как целостного проекта, соотнесенного с другими подобными же проектами по предельно общим и обеспечивающим их соизмеримость параметрам. Теннисист и ученый могут быть равно успешными в свете ключевых ценностей и актуальной оценки своих профессиональных сообществ (в первом случае имеется в виду довольно сложное сообщество спортсменов, тренеров и компетентных болельщиков). Но если ошутимое богатство теннисиста сопровождается хрониче-

¹ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995. С. 206. Обзор репрезентации этой идеи в различных работах М. Уолцера см.: *Bellamy R. Justice in the Community: Walzer on Pluralism, Equality and Democracy // Social Justice: From Hume to Walzer / Ed. by D. Boucher and P. Kelly. L., N.-Y.: Routledge, 1998. P. 169.*

ской бедностью ученого, отражающейся на качестве жизни последнего, то сможет ли тот воспроизводить ощущение принадлежности к социальной элите и способность игнорировать критерии других групп? Таким образом, в описании Э. Геллнера отсутствует чувствительность к парадоксальности и даже трагичности самого проекта плюрализации успеха. Однако они очень прозрачно выражены в анализе сущности и функционирования практик, предложенном А. Макинтайром.

Известное определение практики, по А. Макинтайру, гласит: «Практика... [есть] любая последовательная и сложная форма социально учрежденной кооперативной человеческой деятельности, через которую блага, внутренние по отношению к ней, реализуются в ходе попыток применения тех стандартов превосходства, которые подходят для этой формы деятельности и частично определяют ее». Сфера практик, по А. Макинтайру, очень широка: искусства, науки, игры, политика в аристотелевском смысле, создание и поддержание семьи и т. д.¹

Возвращаясь к понятию успеха, можно заметить, что вне отсылки к какой-либо практике оно теряет всякий смысл. Если речь идет не о простой удаче (случайной известности, фантастическом наследстве, дорогостоящей находке, неожиданном благодеянии со стороны другого человека), а именно об успехе, то есть об эффективном применении способностей и результативном приложении усилий в деле создания и использования шансов, то оценка «успешности» индивида может осуществляться лишь в группе людей, разделяющих некие стандарты превосходства по отношению к своей форме деятельности. Эти люди выступают в качестве представителей компетентного сообщества и в силу этого – в качестве своеобразных арбитров. Именно многообразие таких сообществ было для Э. Геллнера основой эффективной плюрализации индивидуальных достижений.

Вместе с тем, приведенная выше дефиниция практики содержит в себе важное допущение о существовании двух различных видов благ. Во-первых, имеются в виду «внешние блага»: «в случае вымышленного ребенка, [обучаемого шахматам], – конфета, а в случае реальных взрослых – престиж, деньги, статус». Неотъемле-

¹ *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 255.

мой характеристикой «внешних благ» является то, что их всегда можно обрести с помощью целого ряда альтернативных способов. «Их достижение никогда не связано только с вовлечением в некоторый конкретный вид практики». Во-вторых, речь идет о «внутренних благах практики». Они опознаются и идентифицируются как блага только через участие в ней. «Внутренние блага», по А. Макинтайру, включают в себя два основных момента: момент совершенного перформанса (например, «исполнительское превосходство художника и превосходство... [его] картин») и момент индивидуального существования, подчиненного ценностям данной практики, ее традициям, ее ритму и т. д. (например, «жизнь художника, живущего большую или меньшую часть своей жизни именно в качестве художника»)¹.

Нельзя не заметить, что в геллнеровском описании плюрализации успеха отсутствует понимание двойственности и противоречивости благ, фиксирующих успешность. Э. Геллнер обсуждает проблему исключительно в контексте «внутренних благ»: благо образа жизни задает ощущение принадлежности к элите, благо совершенного перформанса – переживание индивидуального превосходства или, хотя бы, индивидуальной востребованности. Однако, как указывает А. Макинтайр, несмотря на то, что формируют практику именно «внутренние блага», ее опора на «внешние блага» также необходима. Чтобы сохраниться в социальном пространстве и воспроизводить себя в течение длительного периода времени практики неизбежно институционализируются. А «институты... включают приобретение денег и других материальных ресурсов; они структурированы в терминах власти и статуса»².

При этом один из основных тезисов А. Макинтайра связан с тем, что «овнешнение» несет с собой значительные опасности для процветания практик. Во-первых, вторжение «внешних благ» и распределяющих институтов разрывает непосредственную связь оценки исполнения и действительной степени его совершенства. Символический ряд признания внутри сообщества может оказаться независимым от стандартов совершенного исполнения и определяться стратегией его бюрократической верхушки. Во-вторых, «внешние блага» по своей сути подлежат механической калькуля-

¹ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. С. 258.

² Там же. С. 264.

ции и столь же механическому сравнению. На фоне существования множества практик, их различного доступа к материальным ресурсам, их конкуренции, ориентация на «внешние блага» превращается в предпосылку самоуверенной оценки профана в духе: «если ты такой умный (опытный или умелый), то почему такой бедный (и соответственно – безвластный и безвестный)». При всей тривиальности этого рассуждения оно служит мощнейшим средством разрушения практик. По сути, оно так размечает пространство определения успеха, что в нем остается одна единственная практика – практика зарабатывания денег и одна единственная профессия – предприниматель.

Интересно, что именно предпринимательской деятельности А. Макинтайр готов отказать в статусе практики. Конечно, именно в предпринимательской, конкурентной среде достигательная мотивация находит одно из своих кульминационных выражений, но в ней же возникают наибольшие трудности с формальной фиксацией успеха в качестве личного достижения. Здесь труднее найти комплекс «внутренних благ», неизмеримо сложнее разделить совершенный перформанс и его символическое закрепление (или вознаграждение). Так, получающий огромные гонорары артист все же может восприниматься как бездарность, если его гонорары связаны исключительно с рекламными манипуляциями аудиторией, но предприниматель, получивший максимальный доход, самым этим фактом обеспечил себе нечто, являющееся как основным критерием оценки усилий, так и главным компонентом символического отображения их успешности.

Мне представляется, что исключение А. Макинтайром предпринимательской деятельности из числа практик является преувеличением. Оно неизбежно лишь в том случае, если мы безоговорочно согласны с некоторыми расхожими положениями, которые Р. Соломон назвал «мифологией бизнеса». Среди ключевых мифов – миф об исключительно корыстных мотивациях и миф об абсолютной конкурентности предпринимательской деятельности. Оба этих мифа не отражают реалий. Что касается первого, то «прибыль как таковая не является самоцелью бизнеса: прибыль распределяется и инвестируется. Прибыль есть средство построения и расширения своего дела, вознаграждения администраторов, сотрудников и инвесторов». Даже там, где она выступает всего лишь как средство «держат планку», целью являются «статус и удовлетворение по-

бедой... а не прибыль как таковая»¹. Что касается второго мифа, то «бизнес, прежде всего, фундаментально *ко-оперативен*» и разворачивается на фоне определенной «корпоративной культуры» со своими собственными стандартами оценки². То есть, взятое вне своих маргинальных (хотя в некоторых условиях и способных отвоевывать значительное пространство) проявлений, предпринимательство может восприниматься как своего рода практика. В ней существует ряд «внутренних благ», хотя они и не отграничены так строго от «внешних», как в некоторых иных, парадигматических случаях.

Однако, если именно предпринимательство, со всей своей нехарактерностью в качестве практики, превращается в единственную и всеобъемлющую практику (то есть в социальном универсуме имеются бизнесмены-ученые, бизнесмены-врачи, бизнесмены-учителя и, наконец, чистые бизнесмены), то специфические ценности определенного вида деятельности обретают сугубо вспомогательный, служебный характер. Первая и главная из наград профессиональной деятельности, по М. Уолцеру, – сама хорошо исполняемая работа с ее секретами, специальным жаргоном и постоянной коммуникацией с коллегами – превращается в последнюю, уступая свое место ресурсам, статусу и возможностям влияния на других людей³.

Но это значит, что сами ценности профессионализма оказываются под вопросом. Ведь если «внешние блага» считать главным показателем успеха, а сам успех – ключевой жизненной мотивацией, то переход к той форме деятельности, которая обещает на настоящий момент большие финансовые возможности и большой социальный престиж, будет всегда рационально обоснован. При исключительно (или преимущественно) подоходной шкале успеха средний и даже посредственный уровень своих профессиональных возможностей и результатов не может смущать индивида, если, конечно, сама деятельность ситуативно находится в выигрышном

¹ Solomon R. *Business and the Humanities: An Aristotelian Approach to Business Ethics // Business as a Humanity* / Ed. by T. J. Donaldson, R. E. Freeman. N.Y.: Oxford University Press, 1994. P. 61 (см. также: *Solomon R. Business Ethics // A Companion to Ethics* / Ed. by P. Singer. Cambridge: Blackwell, 1993. P. 354–365).

² *Solomon R. Business and the Humanities*. P. 62.

³ Четырехчастную классификацию «наград» профессиональной деятельности и их ранжирование см.: *Walzer M. Spheres of Justice*. P. 155–157.

положении. На таком фоне неизбежна предельно развитая горизонтальная мобильность населения, или – в категориях более поэтических – его фундаментальная неукорененность.

Итак, перед нами вполне определившийся социальный парадокс – фиксация успеха возможна лишь при наличии группы, существующей вокруг практики и поддерживающей внутренние стандарты совершенства, однако сохранение практики немислимо без символического отображения успеха в виде «внешних благ», ориентация на которые, в свою очередь, способна коррумпировать практику. В этой ситуации воплощение проекта плюрализации успеха зависит от способности общества установить такое соотношение между «внутренними» и «внешними» благами, которое позволило бы сохранить относительную независимость практик и избежать эксцессов resentment между профессиональными сообществами.

Казалось бы, в рамках уолцеровского понимания справедливости, в отличие от описания плюрализации успеха Э. Геллнером, эти проблемы осознаны и получают свое разрешение. Неотъемлемой частью общего замысла М. Уолцера является установление своеобразных «блокпостов» на пути тотальной «коммодификации» и внедрения рыночного этоса во все возможные виды профессиональной деятельности. Если нам удастся строго и рационально разделить сферы справедливости, то будет невозможен обмен благ, полученных в одной сфере, на блага, приобретаемые в другой.

Однако, как стало очевидно из анализа теории практики А. Макинтайра, связь между профессиональными достижениями и «внешними благами» возникает не просто вследствие незаконной интервенции рыночного этоса. «Внешние блага» оказывались *необходимым* элементом символического отображения успеха, фиксируемого по стандартам некоего профессионального сообщества. Можно ли и в этом случае организовать эффективные «блокпосты» между сферами, где распределяются деньги, должности и признание? Можно ли избежать дополнительной дистрибутивной политики для создания «общества успешных индивидов»? Думаю, что нет. Если перед национальным сообществом стоит задача обеспечить такую ситуацию, чтобы сравнение вершин успеха не вело к потере самоуважения граждан, то этого нельзя добиться без достижения

сбалансированного положения профессиональных сообществ, включая их доступ к основным распределяемым ресурсам¹.

Как мне представляется, необходимость решать подобные задачи если не разрушает, то крайне ограничивает в правах идею «комплексного» равенства. Сферическая справедливость оказывается крайне нереалистичной программой, поскольку самые разные распределяемые ресурсы оказываются необходимы для того, чтобы поддерживать функционирование любой из сфер справедливости. И когда последние сталкиваются между собой, на этом уровне требуется уже не сферическая и не контекстуализированная, а единая и внутренне согласованная *метаконцепция* справедливости. Ее поиск и есть приоритетная задача социально-этической теории и общественной практики.

¹ Этот вывод порождает ряд дополнительных проблем. Однако все они находятся уже либо на уровне обсуждения содержательных концепций справедливости, либо на уровне анализа специфического социально-исторического контекста их воплощения. Их небольшой обзор был представлен на научном семинаре Новгородского МИОН «Стратегии успеха: российские и европейские ориентиры», а также в статье «Плюрализация успеха: проблемы и парадоксы» (Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 7. М: ИФ РАН, 2006 (в печати)).